

Математика как метод в философии Спинозы

Дарья Хохлова (образовательная программа «Философия»)

Аннотация

Исследовательская проблема данной работы касается того, насколько мы можем говорить о математике как о методе философии у Спинозы. Ее можно разделить на два сопутствующих вопроса: 1) Возможно ли для Спинозы находить истины о сущности вещей посредством математики? (метод поиска истин). 2) Необходима ли математика как метод записи для философских высказываний? (метод изложения истин). Эти вопросы мы последовательно рассмотрим в данной статье.

Ключевые слова: математика, Спиноза, достоверность, метод, геометрия

Список сокращений дан в специальном примечании¹.

¹ Цитаты даны по указанным русским изданиями с указанием на раздел и страницу (например, TIE prf 217 = Трактат об усовершенствовании разума, предисловие, страница 217)

Eth = *Ethica ordine geometrico demonstrata* = Этика, доказанная в геометрическом порядке // Спиноза Б. Этика / Пер. с лат. Н. Иванцова // *Спиноза Б.* Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 251–478.

KV = *Korte Verhandeling van God, de Mensch en des Zelfs Welstand* = Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // *Спиноза Б.* Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье / Пер. с голл. под ред. А. Рубина // *Спиноза Б.* Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 1–93.

TIE = *Tractatus de intellectus emendatione, et de via, qua optime in veram rerum cognitionem dirigitur* = Трактат об усовершенствовании интеллекта и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей. // Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума / Пер. с лат. Я. Боровского // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 215–251.

PPC = *Renati Des Cartes Principiorum Philosophiae pars I et II, more geometrico demonstratae* = Начала философии Рене Декарта части I и II, доказанные геометрическим способом // *Спиноза Б.* Основы философии Рене Декарта, доказанные геометрическим способом / Пер. с лат. под ред. В. Соколова // *Спиноза Б.* Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 93–171.

CM = *Appendix, continens Cogitata Metaphysica* = Приложение, содержащее Метафизические мысли // *Спиноза Б.* Приложение, содержащее Метафизические мысли / Пер. с лат. под ред. В. Соколова // *Спиноза Б.* Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 171–215.

TTP = *Tractatus theologico-politicus* = Богословско-политический трактат // *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат / Пер. с лат. М. Лопаткина // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 1999. С. 5–246.

TP = *Tractatus politicus* = Политический трактат // *Спиноза Б.* Политический трактат / Пер. с лат. С. Роговина и Б. Чредина // *Спиноза Б.* Соч.: в 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 1999. С. 247–330.

Ep = *Epistolae doctorum quorundam virorum ad V. d. S. et auctoris responsiones* = Письма некоторых ученых мужей к Б. д. С. и ответы автора. // *Спиноза Б.* Письма некоторых ученых мужей к Б. д. С. и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения / Пер. с лат. В. Брушлинского // *Спиноза Б.* Соч.: в 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 1999. С. 331–569. Цитаты даны по русскому изданию с указанием номера письма и страницы (например, Ep 1 15)

afdf = определения аффектов

agd = общее определение аффектов

арх = прибавление

ах = аксиома

сар = глава

сог = королларий

Философы Нового времени обыкновенно ассоциируются с повышенным интересом к математике. Многие фигуры того времени были озабочены разработкой точного метода для метафизических рассуждений и часто находили основания для такого метода в математике. Так, например, Гоббс начинает свой трактат «О человеческой природе» следующими словами: «Основные элементы нашей природы, разум и страсть, вызвали к жизни два рода познания - математическое и догматическое»². Декарт пишет про необходимость разработки «всеобщей математики» и утверждает, что если «следствия обоснованы с математической последовательностью, и если наши выводы будут точно согласоваться со всем нашим опытом, то, как мне кажется, было бы непочтением к Богу полагать ложными причины вещей, найденные нами таким путем»³. Еще более радикальное утверждение о том, что «Книга Природы написана языком математики», мы находим у Галилея⁴. Вслед за другими философами Нового времени «математизацию» философии приписывают и Спинозе. И, кажется, что на то есть весомые основания - сама форма трактатов Спинозы располагает к подобному рассуждению.

Некоторые философы обвиняют Спинозу в чересчур «математизированном» мышлении: «...если о Боге, о душе, о человеческих страстях мы судим так же, как о линиях, плоскостях и телах, то что дает нам право требовать или хотя бы советовать человеку любить Бога, а не плоскость, «камень или чурбан?»⁵. Во многих описательных работах по истории философии мы находим упоминания о «геометрическом методе» Спинозы⁶. Нередко философы обращают отдельное внимание на своеобразное изложение трактатов Спинозы: «Гигантский аппарат из теорем с громоздким сплетением из дефиниций, короллариев и схолий, и вся эта подавляющая сложность систематической конструкции, благодаря которой новичок испытывает на пороге

df = определение
dm = доказательство
exр = пояснение
lm = лемма
р = часть
рг = теорема
prf = предисловие
pst = постулат
sch = схолия

² Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1989. С. 508.

³ Декарт Р. Сочинения в 2 т.: / Пер. с лат. и франц. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 390.

⁴ Галилей Г. Пробирных дел мастер / Пер. с ит. Ю. А. Данилова. М.: Наука, 1987.

⁵ Шестов Л. Сочинения. В двух томах. М., 1993. Т. 2. С. 274.

⁶ Windelband W. History of Philosophy / Trans. from German by J. H. Tufts New York: Harper. 1901. P. 396.

Этики смешанное чувство восхищения и страха, как перед броненосцем типа Дреднотов»⁷. Часто его философию находят созвучной нововременной вере в математику как в лучший способ отыскания истин⁸. Некоторые исследователи идут дальше и полагают, что математика в универсуме Спинозы отражает истинный «порядок вещей и идей»⁹. Помимо этого, геометрическую структуру трактатов Спинозы связывают напрямую с каббалистическим учением¹⁰.

С другой стороны, многие современные исследователи полагают, что Спиноза вовсе не занимался «математизацией» философии и считал ее ограниченным способом познания¹¹. Существуют мнения, что можно говорить только лишь о геометрическом порядке (*ordo*) записи суждений, а не о «геометрическом методе» в философствовании¹². Можно также небезосновательно заметить, что Спиноза не изобрел новый метод, изложив свои идеи на манер «Начал» Евклида, хорошо известных всем со школьной скамьи¹³, или же, что он использовал геометрию исключительно в качестве эффектного риторического приема в полемике с Декартом¹⁴.

Несмотря на вышеизложенные замечания, философский проект Спинозы может выглядеть более «математическим» даже по сравнению с Декартом: рассуждения Декарта, в отличие от изложенных в «Этике» витиеватых теорем Спинозы, не производят у читателя страх, подобный возникающему перед схолиями Спинозы или линкорами класса «Дредноут». Сама форма изложения в *magnum opus* Спинозы подталкивает читателя к таким выводам. Однако мы не будем принимать это предположение на веру и попробуем разобраться, насколько первое впечатление о глубокой «математичности» трактатов Спинозы действительно соответствует той роли, которую Спиноза отводит математике.

⁷ Бергсон А. Философская интуиция // Пер. с фр. П. С. Юшкевича // Новые идеи в философии. СПб.: 1912. № 1. Философия и ее проблемы. С. 1–28.

⁸ Curley E. Behind the Geometrical Method: A Reading of Spinoza's Ethics. Princeton University Press, 1988. 175 p.

⁹ Shmueli E. The Geometrical Method, Personal Caution, and the Idea of Tolerance. The Southwestern Journal of Philosophy, Vol. 8, no. 3, 1977, pp. 197–215.

¹⁰ Brann H. Spinoza and the Kabbalah // Speculum Spinozanum, 1677–1977. Routledge, 2019. P. 108.

¹¹ Melamed Y. Y. On the Exact Science of Nonbeings: Spinoza's View of Mathematics // The Jerusalem Philosophical Quarterly. Iyyun, 2000. № 49. P. 5.

¹² Майданский А. Д. Читая Спинозу. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2012. С. 4.

¹³ Wolfson H. The Philosophy of Spinoza. Cleveland and New York: The World Publishing Co., 1965, Vol. I. 440.

¹⁴ Long C. P. The Rhetoric of the Geometrical Method: Spinoza's Double Strategy // Philosophy & Rhetoric. Vol. 34, No. 4. 2001, pp. 292–307.

Исследовательская проблема данной работы касается того, насколько мы можем говорить о математике как о методе философии у Спинозы. Ее можно разделить на два сопутствующих вопроса:

1. Возможно ли для Спинозы находить истины о сущности вещей посредством математики? (метод поиска истин)

2. Необходима ли математика как метод записи для философских высказываний? (метод изложения истин)

Эти вопросы мы последовательно рассмотрим в данной статье.

Статус математики как способа познания

Математика как второй род познания

Для начала мы попробуем разобраться, какое познание для Спинозы вообще может быть истинным, как с этим соотносится математика и какое место в его классификации родов познания она может занимать. Мы полагаем эту классификацию принципиально важной для описания метода Спинозы: он сам постулирует, что для достижения главной цели человека, т. е. совершенства, нужно прежде всего исследовать способы познания и выбрать лучший из них (ГПЕ 224).

В «Кратком трактате», «Трактате об усовершенствовании разума» и «Этике» Спиноза выстраивает иерархию родов познания.

Все понятия о внешнем мире и самом себе человек может получить при помощи одного из трех способов (KV p II cap1):

- 1) А. «только через веру, происходящую понаслышке» (обычно ложные заключения);
- Б. «только через веру, происходящую из опыта» (обычно ложные заключения);
- 2) «через истинную веру» (всегда истинные заключения);
- 3) «посредством ясного и отчетливого познания» (всегда истинные заключения).

В качестве примера различия между тремя родами познания Спиноза приводит в пример базовое для арифметики тройное правило (правило для вычисления пропорции). Если Вам рассказали это правило, и Вы поверили своему собеседнику на слово, даже не пытаясь его понять или проверить, то Вы обладаете знанием «понаслышке». Если Вы проверяли много раз это правило и при этом получали всегда верные вычисления, не разбираясь, почему само правило работает, то это случайность, и Вы знаете о своих вычислениях «не больше, чем слепой о цветах» (KV p II cap1 41). У Вас еще нет гарантий, что это правило сработает в

следующий раз, так как это знание «через веру, происходящую из опыта». «Истинная вера» появится у Вас только тогда, когда с помощью умозаключений Вы придете к выводу, что истинность правила обусловлена свойством пропорциональности. Если же Вы не нуждаетесь ни в советах других людей, ни в опытах, ни в цепи умозаключений и сразу улавливаете сущность свойства пропорциональности, то Ваше познание можно считать «интуитивным».

Во втором роде познания мы познаем вещи через опосредованные умозаключения и видим только то, какими они должны быть, при этом «сами вещи не усматриваются нами» (KV p II cap2 42). Ясное познание как самое совершенное происходит из «чувства и наслаждения самими вещами». Это наслаждение подразумевает понимание сущности вещи и ее ближайших причин. Второй род познания неизбежно содержит в себе дистанцию между человеческим разумом и той вещью, которая им познается. Поэтому в «Трактате об усовершенствовании интеллекта» Спиноза описывает этот род познания как «неадекватный», хотя с помощью него мы можем выводить безошибочные заключения (TIE 225). Мы не можем познать сущность вещи, видя только ее следствия и не понимая ее причин, и такое опосредованное знание не может претендовать на всю полноту. тогда как высшее познание связано с восприятием сущности вещи и ее ближайшей причины (TIE 222).

На основании этой классификации и примера из «Краткого трактата» математику можно отнести ко второму роду познания, т.к. она позволяет всегда делать правильные выводы в отличие от низшего рода познания. При этом математика использует цепочки умозаключений, тогда как интуитивное познание третьего рода в них не нуждается. Мы видим, что потенциал математики, как минимум, ограничен тем, что она не позволяет познавать вещи по сущности без сопутствующих умозаключений.

Математика как способ приближения к высшему познанию

Если мы предположили, что математика не является высшим родом познания, может быть, она является методологически необходимым этапом на пути к нему? С одной стороны, познание второго рода действительно позволяет преодолеть аффекты самого низшего познания: оно способствует тому, чтобы мы не находились под влиянием авторитетов, не поддавались «соблазнительной» ошибке неполной индукции. Кроме этого, оно свободно от произвольной ценностной оценки, и поэтому не дает нам огорчаться превратностями судьбы или быть слишком самонадеянными в своих выводах, лишает нас страха перед Богом и дьяволом, освобождает от низменных аффектов (KV p II cap18 66–68).

Для Спинозы первый род познания привлекает нас тем, что соединение с внешней вещью в опыте приносит нам большее наслаждение, чем ее опосредованное изучение во втором роде познания (KV p II cap12 75). Познание второго рода не может искоренить все страсти, порождаемые опытом, так как познание вещей через опосредованные рассуждения кажется нам менее привлекательными. Поэтому второй род познания не может привести человека к третьему роду познания и счастью (KV p II cap21).

Это не единственная причина, почему познание третьего рода не выводится из предыдущих. Оно является любовью к Богу, который и есть причина всякого познания. Бог связан с каждым человеком непосредственно: без него человек «не может существовать и быть понят», здесь нет места опосредованному познанию (KV p II prf 41).

Математическая достоверность и область ее применения

Мы увидели, что с помощью математики не выходит познавать причины вещей, и она никак не может подвести нас к этому познанию. Однако за математическими заключениями все еще остается безоговорочная истинность. Попробуем очертить область действия таких суждений, основываясь на противопоставлении «пророческой» и «математической» достоверности в «Богословско-политическом трактате» (ТТР cap II 30).

Пророческая достоверность требует исключительно «веры» в знамение, «знамения давались сообразно мнениям и пониманию пророка; так что знамение, делавшее одного пророка уверенным в его пророчестве, другого, пропитанного иными мнениями, не могло убедить, и потому знамения каждого пророка были различны» (ТТР cap II 30). Такая пророческая достоверность через «веру» или «опыт», который отличается у каждого пророка и не может быть универсальным для убеждения всех людей противостоит математической достоверности: «Стало быть, коль скоро уверенность, возникавшая в пророках вследствие знамения, была не математическая, т. е. вытекающая из необходимости понятия воспринятой или виденной вещи, но только моральная, и знамения давались только с целью убедить пророка».

Если пророческая достоверность отсылает к низшим родам познания, то математика тогда относится к более высокому роду познания, которое исключает мнения и плоды воображения разных людей, которые лишают знание точности и не позволяют делать необходимые заключения. «В существовании Бога, а следовательно, и во всем мы сомневаемся, пока имеем о самом Боге идею не ясную и отчетливую, но смутную. Ибо как тот, кто не постиг правильно

природу треугольника, не знает, что три угла его равны двум прямым, так и тот, кто смутно понимает божественную природу, не видит, что к природе Бога принадлежит существование» (ТТР сар VI ехр 235). В этом примере Спиноза указывает, что пророческая достоверность связана со смутными идеями, а математическое знание как знание более высокого рода - с ясными идеями.

Когда Бог заговорил с израильтянами с Синайской горы, то они едва ли могли с «математической достоверностью» поверить в его существование, так как такое послание не давало ни знания о том, что такое Бог, ни доказательства того, почему он неизбежно существует, ведь если Бог заговорил один раз с народом, то это не значит, что так будет в следующий раз. Но такое послание подействовало на них аффективно и побудило израильтян повиноваться Богу, вызывая в них удивление, страх и благоговейный трепет (ТТР сар XIV 167). Хотя тот голос, который слышали израильтяне, не мог дать тем людям никакой математической достоверности относительно существования Бога, его было достаточно, чтобы вызвать в них удивление и побудить тем самым к повиновению.

Спиноза разделяет область богословия и философии, утверждая, что истины из священных текстов достоверны, но при этом не входят в компетенцию математики: «основная догма богословия не может быть найдена при помощи естественного света или по крайней мере не было никого, кто доказал бы ее» (ТТР сар XV 175). Богословие направлено не на то, чтобы люди понимали правильные взаимосвязи между событиями, а на то, чтобы воспитывать в них повиновение: «повиноваться могут, безусловно, все, но людей, для которых добродетель стала привычкой только под руководством разума, встречается весьма немного сравнительно со всем человеческим родом, и, стало быть, мы могли бы сомневаться в спасении почти всех людей, если бы у нас не было этого свидетельства Писания» (ТТР сар XV 176).

Обосновывая невозможность математики доказывать богословские истины, Спиноза вводит разделение между вещами, которые либо постижимы и доказуемы математически (как например, теоремы Евклида), либо постижимы, но недоказуемы, т.к. основываются на моральной достоверности («рассказы как о будущих, так и о прошедших событиях, которые не превышают человеческой веры, равно права, постановления и нравы») (ТТР сар VIII ехр 235–236). К рассказам о будущем и прошлом как раз и относятся истории из Священного Писания, пророчества и знамения. Писание может вызвать у людей определенные аффекты, которые приведут их благу и заставят поступать должным образом, тогда как у математики

такой способности нет, и она выглядит в этом деле слишком непривлекательной. Например, как мы указывали выше, абстрактное познание приносит гораздо меньше наслаждения, чем соединение с вещью в опыте, или красочная проповедь, богатая риторическими приемами. Более того, познание второго рода никоим образом не способствует повиновению, так как оно свободно от аффектов и ценностно нейтрально.

Таким образом, мы видим, что несмотря на достоверность математики, во-первых, есть вещи, которые невозможно доказать математически, и, во-вторых, большинство людей не смогли бы в своих добродетельных действиях руководствоваться только рассудком, а не принуждением, поэтому математические доказательства не могут быть в той же мере эффективны для народа как пророчества.

Математические объекты как модусы воображения

В «Этике» Спиноза относит к познанию низшего рода мнение, опыт и воображение (из знаков мы вспоминаем о вещах и образуем идеи, похожие на уже известные нам) (Eth pr 40 sch 2 321). О том, что это не противоречит классификации из «Краткого трактата», а только уточняет ее, мы можем судить из аналогичного примера про тройное правило, который Спиноза приводит в «Этике». Согласно ему, к познанию второго рода будет относиться решение задачи на пропорцию «в силу теоремы 197 книги Евклида, именно из общего свойства пропорций», тогда как интуицией, или высшим познанием, можно назвать выведение пропорции для чисел 1, 2, 3, когда, чтобы дать верный ответ, не нужны никакие вычисления и опыты.

Кажется, что наша классификация математики как второго рода познания (например, теоремы 197 книги Евклида) подтверждается этим примером из «Этики». Противоречие кроется в том, что время, мера и число являются для Спинозы модусами воображения, как он пишет об этом в XII письме Людовику Мейеру. Там Спиноза отвечает Мейеру на его вопросы о природе бесконечности. и вводит важные различия (Ep 12 367):

а) вещи, «которые можно постигать только интеллектом (*intelligere*), но не воображением»,

б) вещи, которые постигать и в воображении (*imaginari*), и с помощью интеллекта.

Субстанция познается только интеллектом. Модусы могут познаваться или интеллектом в их отношении с субстанцией, или с помощью воображения в искаженном виде, который не относится к истинному положению вещей в природе (Gueroult, 1973). Субстанция по своей

сущности является бесконечной и не может мыслиться несуществующей, тогда как модусы могут перестать существовать. В этом Спиноза полагает различие между «вечностью и длительностью» (Ep 12 367). О субстанции можно говорить только в понятиях вечности, тогда как модусы можно мыслить через длительность.

Мы склонны делить субстанцию, хотя она является единой и неделимой. Это «когнитивное искажение» возникает из-за того, что количество можно рассматривать с помощью воображения и с помощью разума (*intellectus*). Если мы рассматриваем количество в воображении, то с ним можно совершить любые операции: бесконечно делить, бесконечно умножать, представлять конечным и множественным. Благодаря воображению мы можем ошибочно воображать модусы не связанными друг с другом, мыслить субстанцию разделенной или представлять, что модусы являются отдельными бесконечными субстанциями¹⁵.

Время, мера и число помогают производить в воображении операции над неделимой субстанцией, «отделяя состояния субстанции от самой субстанции и подразделяя их для облегчения образного представления на классы, мы получаем число (*numerus*), которое и служит нам для определения этих состояний» (Ep 13 368). Эти «модусы воображения» не дают истинного знания о сущности вещей: «Даже модусы субстанции никогда не будут правильно поняты, если мы будем смешивать их с подобного рода рассудочными понятиями (сущностями - *entia rationis*) или вспомогательными средствами воображения. Ибо этим мы отделили бы их от субстанции и от того способа, каким они проистекают из вечности, а без этого они не могут быть правильно поняты» (Ep 13 369).

Причина появления чисел в воображении связана с тем, что мы отделяем конкретный модус от его порядка существования в субстанции: числа не соотносятся с существующими вещами и не являются их идеям¹⁶. Число два не скажет нам ничего о сущности двух баранов или двух трактатов Спинозы, а также не поможет нам сделать выводы о том, как эти вещи связаны с другими вещами в природе и между собой. Даже если мы произведем верные арифметические операции, то мы не сможем приблизиться к сущности каждой конкретной

¹⁵ *Gueroult M.* Spinoza's Letter on the Infinite / Spinoza. A Collection of Critical Essays, ed. Marjorie Grene. Garden City, New York: Anchor / Doubleday, 1973. P. 192.

¹⁶ *Melamed Y. Y.* On the Exact Science of Nonbeings: Spinoza's View of Mathematics // *The Jerusalem Philosophical Quarterly*. Iyyun, 2000. № 49. P. 10.

вещи и понять ее ближайшие причины. Выражение «дважды два равно четыре» не будет содержать в себе ни одно из свойств выбранных баранов или трактатов Спинозы.

В «Метафизических размышлениях» Спиноза выдвигает классификацию для *ens rationis* («мысленное существо»). Какие-то вещи действительно существует, тогда как «мысленное бытие (существо) есть только состояние мышления, которое служит для более легкого запоминания, объяснения и воображения познаваемых вещей» (СМ сар 1 173). К «мысленным существам» относятся роды и виды, которые помогают нам классифицировать новые вещи, сравнивая их с уже знакомыми. Также к ним относятся время, мера и число, которые помогают объяснять вещи «путем сравнения с другими» (Там же.). К ним же относятся и модусы отрицания каких-то свойств, которые не обладают существованием и создаются лишь разумом. Все *ens rationis* есть лишь вспомогательные инструменты разума, которые не обладают существованием и не являются идеями.

Тогда в какой мере наука, оперирующая этими понятиями, может относиться ко второму роду познания и при этом давать истинное и достоверное знание? Это создает сложность при отношении математики к высшим родам познания. Модусы воображения буквально отсылают к низшему роду познания. Познание второго рода должно «давать истинные идеи о свойствах вещей», но числа не содержат в себе никаких свойств от тех вещей, которые они описывают. Более того, сами математические объекты (числа) не являются идеями и не обладают существованием.

Если рассматривать математику в таком ключе, то едва ли бы она приводила к необходимо истинным выводам. Она бы противоречила многочисленным примерам, приводимым самим Спинозой. Поэтому мы предполагаем, что Спинозу в математических примерах интересуют вовсе не сами математические объекты, для него в математике важны строгие правила умозаключения, по которым можно делать суждения о существующих вещах.

Но как же можно говорить о Боге и бесконечной субстанции, опираясь на метод, который оперирует «модусами воображения»? Может быть для этого подходит не любая математика, а только геометрия? В связи с этим возникает вопрос о статусе арифметики и геометрии в философии Спинозы. Геру считает, что между ними «пролегает бездна»: евклидова геометрия, которая оперирует не числами, а определениями и аксиомами, выбирается Спинозой моделью для метафизики в «Трактате об усовершенствовании разума», и используется в качестве

метода в «Этике», а арифметика оперирует только «модусами воображения»¹⁷. Нам кажется более правдоподобной в этом вопросе позиция Ицхака Меламеда, который считает, что если арифметика, использующая «воображаемые» числа, не может претендовать на роль метода, то тогда и геометрия, использующая «воображаемые» измерения (меру) должна подвергнуться не меньшему осуждению¹⁸. Геометрические фигуры также не выражают свойства реальных тел и являются абстракциями воображения. Тогда чем заинтересовал Спинозу способ записи из «Начал» Евклида, если сами объекты евклидовой геометрии не могут относиться к субстанции? С этим вопросом мы попробуем разобраться в следующем разделе.

Геометрический метод v.s. геометрический порядок

Различение аналитического и синтетического метода

В истории философии сложилось устойчивое представление о «геометрическом методе» Спинозы, которое повсеместно встречается в англоязычной и русскоязычной литературе. Понятие о геометрическом (синтетическом) методе как лучшем способе изложения метафизики появляется только в предисловии к «Основам философии Декарта», написанным не самим Спинозой, а Людовиком Мейером. Мейер пишет, что «математический метод, при помощи которого из определений, постулатов и аксиом выводятся следствия, при исследовании и передаче знаний есть лучший и надежнейший путь для нахождения и сообщения истины» (PPC prf). Далее он говорит, что нужно различить метод Евклида и метод Декарта. Хотя Декарт «собственным примером показал, что большую часть истин можно построить на них в математическом порядке и очевидности», он не пользовался теоремами и аксиомами на манер Евклида: «Правда, хотя сочинения этого благородного и несравненного человека следуют способу доказательств и порядку, принятому в математике, однако они не разработаны по методу, принятому в «Элементах» Эвклида и других геометров» (Там же). Затем Мейер цитирует ответ Декарта на известное возражение Мерсенна к его «Метафизическим размышлениям», где Декарт объясняет преимущества аналитического метода над синтетическим.

Античное разделение синтетического и аналитического метода в «Началах» Евклида было хорошо известно ученым XVII в.: «Едва ли какая-то другая книга, не считая Библии, получила распространение по всему миру, редактировалась и издавалась столько же раз». Если

¹⁷ *Gueroult M.* Spinoza's Letter on the Infinite. pp. 201-202.

¹⁸ *Melamed Y. Y.* On the Exact Science of Nonbeings: Spinoza's View of Mathematics. P. 14.

обратиться к определениям анализа и синтеза Евклида из XIII книги «Начал», то получается, что:

а) анализ - это когда мы начинаем с каких-то принципов, которые нам нужно доказать в качестве истинных, далее пытаемся найти их причины и причины этих причин, пока мы не придем к самоочевидным утверждениям;

б) синтез - это когда мы отталкиваемся от ранее найденных истин и выстраиваем порядок рассуждения обратным образом, показывая наглядно все связи между посылками и выводами.

Аналитический метод доказывает истину *a priori*, если внимательный читатель следует за всеми рассуждениями, то он сам придет к тому выводу, который доказывает таким образом автор. Однако этот метод, согласно Декарту, не годится для невнимательного читателя, так как малейшая посылка, упущенная в рассуждении, лишит все доказательство очевидности. Синтетический метод является более апостериорным, так как читателю не показывается, как были обнаружены аксиомы и определения для тех вещей, о которых идет речь, но зато доказательство *per se* является более априорным и наглядным. Более того, геометрический метод более пригоден в обучении, так как не очень внимательный читатель, выучив аксиомы и определения, быстрее сможет прийти к верным заключениям. Античные геометры знали оба метода, но, согласно Декарту, использовали синтетический лишь потому, что аналитический метод рассуждения они «хранили как священную тайну». Декарт называет аналитический метод лучшим, так как он показывает ход рассуждения и процесс поиска истины, тогда как синтетический метод считает неудобным в исследовании метафизических вопросов и пригодным лишь в качестве продолжения и наглядного изложения результатов анализа.

Преимущества геометрического (синтетического) метода для полемики Спинозы с Декартом

По признанию самого Декарта, так и согласно предисловию Мейера, аналитический и синтетический методы дают одинаково верные результаты, отличаясь только по форме изложения. Если гипотетически принять точку зрения, что геометрия *per se* отражает некоторую метафизическую структуру мира или определенные важные связи внутри нее, возникает проблема интерпретации трактата Спинозы о Декарте, который является критическим, и, как отмечено в предисловии, не выражает в полной мере позиции автора, принципиально расходясь с основными положениями из «Этики». Если суждения, доказанные в геометрическом порядке, напрямую связаны с онтологией Спинозы, то зачем тогда сначала

доказывать таким образом взгляды своего идейного оппонента, а затем доказывать свои взгляды, которые расходятся с предыдущим геометрическим доказательством? Спиноза явно не был сторонником концепции множественных миров, и для него едва ли могло существовать две истинные метафизические картины мира. Можно сказать, что Спиноза не считал геометрический способ доказательства ни необходимым, ни достаточным для изложения своих мыслей, т.к. после «Этики» писал работы, изложенные без теорем и аксиом, а также изложил геометрическим способом идеи Декарта¹⁹.

«Геометрический метод» как защита от догматизма картезианцев

Мейер упрекает картезианцев в том, что они часто принимали доказательства своего учителя на веру, не вникая в их суть, в чем стали походить на «перипатетиков» (PPC prf 100). Спиноза же доказывает картезианские положения в синтетической форме с определениями, аксиомами, теоремами т. д. Мы полагаем, что замечание Мейера в предисловии про перипатетиков может быть ключом к определению целей использования геометрического метода в этом трактате. Чтобы законы, выведенные Декартом, не стали познанием «только через веру, происходящую понаслышке», Спиноза выбирает для этого трактата геометрическую форму, которая не позволила бы низменным аффектам повлиять на познавательный процесс и превратить выводы Декарта в авторитетные утверждения, порядок доказательства которых не всегда предельно ясен: «Заложенные Декартом основания наук и то, что он на них построил, недостаточны, чтобы распутать и разрешить все затруднительные вопросы, возникающие в метафизике, но необходимы еще другие для того, чтобы поднять наш разум на вершину познания» (PPC prf 100).

На основании этих строчек из предисловия можно предположить, что геометрическое изложение Спиноза избирает в качестве эффектного риторического приема, чтобы радикально противопоставить себя Декарту и уличить его в недостаточно обоснованных рассуждениях²⁰. Такая позиция основывается на том, что Спиноза, к примеру, использует понятие субстанции, хорошо знакомое любому картезианцу, и показывает, что субстанция не только может иметь два атрибута, о которых пишет Декарт, но состоит «из бесконечно многих атрибутов» (Eth p I pr 11 253). Критическое замечание о субстанции к метафизике Декарта усиливается с помощью геометрической формы изложения.

¹⁹ Melamed Y. Y. On the Exact Science of Nonbeings: Spinoza's View of Mathematics.

²⁰ Long C. P. The Rhetoric of the Geometrical Method: Spinoza's Double Strategy. P. 292.

Такая интерпретация согласуется с тем, что Спиноза говорит о математическом познании как о способе нахождения истинных утверждений, однако это не позволяет нам сделать вывод о существовании у Спинозы особого геометрического «метода». Как мы доказали ранее, второй род познания не может оградить нас от всех аффектов, хотя успешно борется с догматизмом и плохо обоснованными суждениями их опыта. Все, что Спиноза пишет о «методе», касается усовершенствования разума через освобождение от аффектов. В таком случае синтетически доказанные суждения могут быть лишь частью «программы» по очищению интеллекта, которые в некоторых случаях лучше подойдут для изложения идей, чем настолько же истинные суждения, доказанные аналитическим способом.

Это согласуется с тем, что Спиноза регулярно подкрепляет свои синтетические суждения наглядными примерами. Мы знаем из переписки Спинозы, к примеру, с Мейером, что одной ссылки на аксиомы и теоремы для понимания очевидности взглядов Спинозы достаточно не было, и Спинозе приходилось постоянно подкреплять свои доказательства яркими примерами (червяком, живущим в крови, из XXXII письма Мейеру или известными примерами про Петра и Павла в «Этике»). Если последовательно придерживаться позиции о совершенстве отвлеченного от аффектов «геометрического метода», то возникает вопрос, зачем Спиноза использует в «Этике» примеры, которые относятся к первым родам познания?

На это возражение можно было бы ответить тем, что Спинозу мало интересует сама геометрия как наука, наоборот он хочет «освободить» математический метод от исключительно математических задач и использовать его для решения метафизических вопросов: «Ибо раньше почти все (и теперь еще многие из тех, которые берутся устанавливать и излагать науки) были того мнения, что этот метод представляет особенность математических наук, а другим наукам не соответствует и ими исключается. Отсюда следует, что такого рода авторы не доказывают своих утверждений никакими прочными доводами, но лишь стараются подкрепить их вероятными и правдоподобными основаниями» (PPC prf 96).

В «Политическом трактате» и «Богословско-политическом трактате» Спиноза указывает, что богословы и правители апеллируют к самым низменным аффектам, например, к страху, и порабощают людей. Согласно Спинозе, синтетическая геометрия как метод изложения метафизики является независимой от подобных аффектов. Она хороша не тем, что позволяет глубже познать причины вещей, но тем, что освобождает разум от дурных аффектов и догматизма: «истина навеки оставалась бы скрытой для человеческого рода, если бы только

математика, имеющая дело не с целями, а лишь с сущностью и свойствами фигур, не показала людям иного мерила истины. Кроме математики можно указать также и другие причины (перечислять которые будет здесь излишним), которые могли заставить людей открыть глаза на эти общие предрассудки и привести их к истинному познанию вещей» (Eth apx 284). Поэтому мы полагаем, что Спинозе можно не столько приписать разработку принципиально нового «геометрического» метода для метафизики, сколько использование в своих сочинениях всем известного синтетического метода.

Заключение: математика как способ отыскания истины или способ ее изложения?

Чтобы определить роль математического знания в философии Спинозы, нам сначала пришлось исследовать, какое место в ней занимают математические доказательства, математические объекты и геометрический (синтетический метод).

По итогам первого раздела мы можем утверждать, что:

- 1. Математика не может быть высшим родом познания.*
- 2. Математика не может приблизить человека к высшему роду познания, так как не может воспрепятствовать всем низменным аффектам.*
- 3. Существуют вещи, которые нельзя доказать математически, но можно познать с пророческой достоверностью.*
- 4. Математические объекты (числа и фигуры) являются воображаемыми и не позволяют понять порядок вещей и идей в субстанции*

Наш главный вывод состоит в том, что для Спинозы математика не может быть методом поиска истинных идей.

Во втором разделе мы проверили гипотезу о математике как о методе изложения философии и пришли к следующим выводам:

- 1. Корректнее говорить не о «геометрическом методе», а о синтетическом способе записи идей.*
- 2. Использование геометрического (синтетического) способа записи не является ни необходимым, ни достаточным для изложения истинной философии.*
- 3. Геометрический (синтетический) способ записи приобретает смысл не как философский метод, а как функциональный прием для критики картезианства.*

Можно сказать, что Спиноза использует не геометрический метод, а синтетический метод изложения мыслей, который имеет некоторые преимущества только как способ записи, а не

как способ нахождения истинных идей. При этом его преимущества не возвышают его существенно над аналитическим методом, и истинные высказывания можно записывать с одинаковым успехом в разной форме. Мы попытались найти объяснения тому, почему Спиноза избрал такой способ написания трактата, но исходя из всего корпуса текстов Спинозы, включающего в себя синтетические, аналитические произведения, письма или даже диалоги, мы не можем сказать об уникальном значении синтетического способа записи идей.

В свете всего вышесказанного, математику можно назвать важной, но далеко не программной частью философского проекта Спинозы, математическое знание в этом проекте нельзя наделять каким-то особым метафизическим статусом. Сложность состоит в том, что Спиноза не оставил в корпусе своих текстов описания главного - самого метода поиска правильных идей, определяющих сущность вещей.

Как Спиноза пишет в «Трактате об усовершенствовании разума», первой частью метода является определение того, каким образом мы вообще получаем знание, то есть классификация родов познания, тогда как вторая часть метода состоит в «познании условий хорошего определения и затем в способе их нахождения» (ТIE 245). Если правила создания определений Спиноза успеваеет описать на последних страницах недописанного трактата, то о том, каким образом их нужно искать, он не говорит ничего. У нас есть только косвенные доводы в пользу того, что правильные идеи вечных вещей (самая совершенная из которых Бог) уже с необходимостью содержатся в разуме, как, например, абсолютная идея количества, о которой он говорит ранее. Впрочем, некоторые авторы предполагают, что трактат не был закончен Спинозой как раз из-за невозможности решить эту проблему²¹. Их поиск возможен с помощью интуиции как высшего рода познания, и прояснение ее значения в философии Спинозы может стать темой отдельной работы.

²¹ Делез Ж. Спиноза и проблема выражения / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.

Библиография

- Бергсон А.* Философская интуиция» / Пер. с фр. П. С. Юшкевича // Новые идеи в философии. СПб.: 1912. № 1. Философия и ее проблемы. С. 1–28.
- Галилей Г.* Пробирных дел мастер / Пер. с ит. Ю. А. Данилова. М.: Наука, 1987. 272 с.
- Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. Т. XI. Лекции по истории философии. М.; Л., 1935. С. 305.
- Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1989. 622 с.
- Декарт Р.* Сочинения в 2 т.: / Пер. с лат. и франц. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
- Делез Ж.* Спиноза и проблема выражения / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 163.
- Майданский А. Д.* Читая Спинозу. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2012. С. 4–5.
- Спиноза Б.* Богословско-политический трактат / Пер. с лат. М. Лопаткина // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 1999. С. 5–246.
- Спиноза Б.* Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье / Пер. с голл. под ред. А. Рубина // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 1–93.
- Спиноза Б.* Основы философии Рене Декарта, доказанные геометрическим способом / Пер. с лат. под ред. В. Соколова // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 93–171.
- Спиноза Б.* Письма некоторых ученых мужей к Б. д. С. и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения / Пер. с лат. В. Брушлинского // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 1999. С. 331–569.
- Спиноза Б.* Политический трактат / Пер. с лат. С. Роговина и Б. Чредина // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 1999. С. 247–330.
- Спиноза Б.* Приложение, содержащее Метафизические мысли / Пер. с лат. под ред. В. Соколова // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 171–215.
- Спиноза Б.* Трактат об усовершенствовании разума / Пер. с лат. Я. Боровского // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 215–251.
- Спиноза Б.* Этика / Пер. с лат. Н. Иванцова // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Наука, 1999. С. 251–478.
- Шестов Л.* Сочинения. В двух томах. М., 1993. Т. 2. С. 274.
- Brann H.* Spinoza and the Kabbalah // *Speculum Spinozanum*, 1677–1977. Routledge, 2019. P. 108–118.

- Curley E.* Behind the Geometrical Method: A Reading of Spinoza's Ethics. Princeton University Press, 1988. 175 p.
- De Spinoza B.* The Principles of Descartes' Philosophy / Trans. by H. H. Britan. The Open Court, 1961. Introduction.
- Gueroult M.* Spinoza's Letter on the Infinite / Spinoza. A Collection of Critical Essays, ed. Marjorie Grene. Garden City, New York: Anchor / Doubleday, 1973. P. 182–212.
- Lewis C. T., Short C.* Harper's Latin Dictionary: A New Latin Dictionary Founded on the Translation of Freund's Latin-German Lexicon. New York: American Book, 1879. 219 p.
- Long C. P.* The Rhetoric of the Geometrical Method: Spinoza's Double Strategy // Philosophy & Rhetoric. Vol. 34, No. 4. 2001, pp. 292–307.
- Melamed Y. Y.* On the Exact Science of Nonbeings: Spinoza's View of Mathematics // The Jerusalem Philosophical Quarterly. Iyyun, 2000. № 49. P. 3–22.
- Shmueli E.* The Geometrical Method, Personal Caution, and the Idea of Tolerance. The Southwestern Journal of Philosophy, Vol. 8, no. 3, 1977, pp. 197–215.
- Windelband W.* History of Philosophy / Trans. from German by J. H. Tufts New York: Harper. 1901. 726 p.
- Wolfson H.* The Philosophy of Spinoza. Cleveland and New York: The World Publishing Co., 1965, Vol. I. 440